

постепенно меняют подход и концентрируют внимание на структурных изменениях. Интернационализация воспринимается как способ повышения качества образования, приобщения к новым педагогическим тенденциям и методам ведения исследований. Делая упор на качество образования, международное научное сотрудничество и процессы гармонизации, правительства Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана подчеркивают свой растущий интерес к образованию как способу расширения навыков межкультурного общения и повышения информированности о других культурах. Данные Scimago показывают, что научная продуктивность стран Центральной Азии все в большей степени зависит от степени их вовлеченности в международное сотрудничество. Казахстан, являясь региональным лидером по числу студентов, обучающихся за рубежом, также становится лидером по числу принимаемых иностранных студентов. По данным Министерства образования и науки Казахстана, в 2019 году в вузах страны училось более 25 тысяч иностранцев, что на 9 тысяч больше, чем годом ранее.

Международные рейтинги и международное признание начинают играть все более значительную роль при формировании национальных образовательных стратегий и планов. Хотя, как показывают международные университетские рейтинги, центральноазиатские вузы едва ли попадают в категорию престижных, следует отметить, что два казахстанских вуза вошли в топ-1400 в мире по версии рейтинга Times Higher Education за 2020 год. В рейтинге QS за 2020 год десять казахстанских вузов входят в тысячу лучших в мире, что отражает усилия, предпринимаемые политиками и представителями академического сообщества для улучшения репутации вузов своей страны. А Узбекистан стремится к дальнейшему развитию интернационализации путем расширения возможностей для действующих в стране иностранных вузов (например, в форме полного освобождения от налогов вплоть до 2023 года).

Сегодня центральноазиатские университеты стремятся использовать возникающие благодаря интернационализации возможности. Уровень участия центральноазиатских стран (в особенности Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана) в программах «Международная студенческая мобильность» и «Повышение потенциала в области высшего образования» в рамках «Эразмус+» выше, чем у большинства остальных стран Азии. Сотрудничество с Евросоюзом также может поспособствовать усилению кооперации на региональном уровне и появлению новых возможностей. Трехстороннее сотрудничество с внешними партнерами (например, с российскими, китайскими или американскими вузами) в условиях новых рамочных программ мобильности также может оказать влияние на уровень мобильности внутри региона и на укрепление региональной идентичности молодежи Центральной Азии.

В целом анализ процессов интернационализации в этом лишенном доступа к морю регионе показывает, что со временем, помимо мобильности, возросло значение и иных элементов, например качества образования и международного сотрудничества. Впрочем, разные страны этого региона находятся на разных этапах развития интернационализации, и в будущем разрыв между ними может увеличиться еще сильнее.

Интернационализация высшего образования в Китае: внутренние барьеры

Ян Жуй

Ян Жуй — замдекана (по науке) и профессор факультета наук об образовании Университета Гонконга (Китай). E-mail: yangrui@hku.hk.

Главный принцип интернационализации высшего образования — это интернационализм. Иногда, правда, его принимают за подражание Западу в условиях мирового западного доминирования. С теоретической точки зрения подобное представление некорректно, с практической — неосуществимо. Интернационализация высшего образования должна стать своего рода двусторонним культурным обменом в более широком контексте цивилизационного взаимодействия. И ключевая роль в этом процессе принадлежит университетам, которые являются продуктом с одной стороны и поставщиком — с другой. Каждый должен и уметь учиться у других, и уметь научить других.

Хорошая история — плохой рассказчик

Исторически так сложилось, что в первом Китае всегда преуспевал, то есть отлично учился у других, а вот во втором отставал, то есть не мог научить мир тому, что умеет сам. Хотя Китай — одна из старейших непрерывно развивающихся цивилизаций на планете, он не знает, как поведать миру свою историю. Говорить о том, что китайская культура процветает во многих частях света, не приходится. За рубежом Китай по-прежнему недолюбливают или по крайней мере не любят так, как ему хотелось бы. Китай не вызывает интереса, несмотря на свою долгую и богатую историю. Китайская культура и ее атрибутика не прельщают другие народы. Даже выдающиеся достижения последних лет не дали толчка к популяризации китайской культуры в остальном мире.

Особенно заметным образом все это отражается на деятельности Институтов Конфуция, которые часто обвиняют в том, что Пекин просто использует их для распространения своей пропаганды под предлогом обучения, в том, что они препятствуют свободе слова в вузах, и даже в том, что они шпионят за студентами. Подобные обвинения и скептицизм нередко несправедливы и просто продиктованы культурными предубеждениями, однако проблемы есть и с китайской стороны, и связаны они главным образом с внутренними барьерами, существующими в китайской культуре.

Многие студенты и ученые из Китая, обучающиеся или работающие в западных вузах, сталкиваются с тем, что мало кто из коллег или сокурсников — за исключением китаистов — понимает китайскую культуру. В китайских университетах о западной культуре известно, наоборот, очень много. И это невозможно объяснить одним лишь фактом экономического и технологического отставания Китая от Запада на протяжении последних двух веков. Есть более глубинные причины.

Сосредоточенность на себе как черта китайской культуры

Китай всегда оказывал огромное влияние на соседние страны. Но при этом сами китайцы не выказывали интереса к другим культурам. Буддизм пришел в Китай из Индии более двух тысяч лет назад. Инициаторами этого стали индийские монахи, если верить «Жизнеописаниям Высоких наставников», составленным китайским ученым и монахом Хуэйцзяо (497–554 гг. н.э.) во времена государства Южная Лян. Впоследствии некоторые китайские монахи и простые верующие совершали паломничества в Индию. Но они при этом не познакомили жителей Индии с такими элементами китайской культуры, как конфуцианство и даосизм.

В «Новой книге Тан» говорится, что «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства») однажды даже была переведена на санскрит. Но профессор Пекинского университета Цзи Сяньлинь утверждал, что пока не доказано, попала ли эта книга в итоге в Индию. Хотя книга была переведена на санскрит, она не оказала никакого влияния на индийскую культуру, и никаких следов ее присутствия в современной Индии нет. Во времена империи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и империи Тан (618–906 гг. н.э.) многие буддистские рукописи были переведены на китайский, но вот классические китайские тексты редко переводились на санскрит и не получили в Индии практически никакого распространения.

Начиная со II века новой эры монахи из Индии и Центральной Азии регулярно приезжали в Китай. Некоторые из них даже оставались там навсегда. А вот китайские паломники начали ездить в Индию и Центральную Азию не раньше эпохи Троецарствия (220–280 гг. н.э.), и было их гораздо меньше. К тому же китайцы отправлялись в эти страны только ради

буддистских рукописей. Никто из них не пытался познакомиться Индию с китайской культурой.

В период империи Суй (581–618 гг. н.э.) в Китай начали ездить монахи и молодые ученые из Вьетнама, Кореи и Японии. Они изучали классические труды по буддизму и конфуцианству. Еще они учились китайской музыке, танцу, архитектуре и поварскому искусству. Уезжая, они увозили с собой множество самых разных китайских книг, включая художественные, исторические и жизнеописательные. Для сравнения: китайцы того периода практически не интересовались культурными традициями Вьетнама, Кореи и Японии.

В начале XIX века десятки тысяч молодых китайцев стали отправляться учиться на Запад, а в самом Китае открывались университеты западного образца, занимавшиеся распространением в китайском обществе западных идеологических и религиозных ценностей. К концу века естественные, гуманитарные и социальные науки в Китае были устроены целиком и полностью по западным образцам. Даже сейчас в Китае по-прежнему наблюдается культурный дисбаланс. Китаю пока не удалось выстроить собственную ценностно-информационную систему, которая бы соответствовала социальным и культурным потребностям общества. На протяжении последних двух веков распространением китайской культуры в Европе занимались не китайцы, а западные миссионеры. Все это время Китай продолжал активно учиться у Запада, не пытаясь при этом продвигать собственные ценности и культуру за рубежом.

...китайцы не выказывали интереса к другим культурам.

Перекосы

На протяжении своей истории Китай всегда вбирал в себя другие культуры, но при этом не занимался распространением собственной культуры в других странах. Так происходило и в лучшие для страны времена (империя Хань, империя Тан), и когда Китай был слаб (империя Великая Цин, 1644–1912 гг.). В результате жители западных стран — за исключением синологов, которых можно было перечесть по пальцам, — не знали практически ничего о китайцах и китайском обществе. У большинства из них знания о китайской культуре ограничивались красными фонариками и гонками на лодках-драконах.

Интернационализация — это обязательно взаимодействие культур по принципу «ты — мне, я — тебе». И хотя дух времени вызывает к развитию столь желанного взаимопонимания и взаимоуважения, другие

культуры, участвующие в цивилизационном взаимодействии, редко проявляют эти качества. Разные нации по-разному проявляют себя, сталкиваясь с представителями других народов, что влияет на течение и результаты интернационализации в их странах, причем эти процессы только усложняются в условиях глобальной геополитической асимметрии из-за того, что у другой стороны тоже есть свой менталитет и свои особенности.

На протяжении тысячелетий китайская культура демонстрировала незаурядную способность вбирать в себя элементы извне. Но как ни парадоксально, сама она не стремилась выйти за пределы собственных границ. В этом плане признаваемая всеми утонченность китайской культуры ей никак не помогает. Наоборот, она скорее стала причиной синоцентризма, и если раньше он был обусловлен самоуверенностью китайцев, то в период Нового времени это чувство резко сменилось комплексом неполноценности из-за следовавших одно за другим поражений. Оба чувства, впрочем, указывают на то, что китайская культура по природе своей обращена внутрь себя, она варится в собственном соку, не пытаясь выйти за рамки привычной среды. То, как китайцы воспринимают себя, окружающий мир и свое место в нем, во многом обусловлено их историей. Политическим и интеллектуальным элитам Китая давно пора отразиться этот уходящий корнями в историю вопрос.

Китайцы на протяжении веков жили в ожидании того, что иностранцы придут к ним и начнут восторгаться китайской культурой, а начиная с XIX века сами стали пересекать моря и океаны ради постижения западных истин и обучения западным знаниям. Сейчас наступила эпоха беспрецедентно развитых связей между людьми, и по мере усиления экономического потенциала Китая руководство страны стремится к усилению китайского влияния за рубежом. Однако такая черта китайской культуры, как сосредоточенность на себе, ярко проявляется и на индивидуальном, и на институциональном, и на системном уровне, так что результаты не оправдывают ожиданий. Один из примеров тому — неэффективность Институтов Конфуция. Представителям китайской системы высшего образования срочно нужно пересмотреть свое культурное мировосприятие, если они хотят наладить настоящую интернационализацию.

Новая программа подготовки кадров для достижения стратегических целей

Сяофэн Вань

Сяофэн Вань — заместитель декана по работе приемной комиссии и привлечению международных студентов в Амхерстском колледже (г. Амхерст, штат Массачусетс, США). E-mail: xwan@amherst.edu.

15 января 2020 года Министерство образования Китая объявило о масштабной реформе, которая затронет гаокао — ежегодный национальный экзамен для поступления в высшие учебные заведения. Эта реформа, известная как План по укреплению основ (FEP), направлена на то, чтобы перестроить высшее образование в соответствии с национальными стратегическими задачами, а происходить это будет путем повышения качества обучения по фундаментальным направлениям, включая математику, физику, биологию, историю, философию и китайскую палеографию. Выпускников будут распределять на работу в производственные отрасли национального значения, включая разработку высокотехнологичных чипов, программного обеспечения и систем искусственного интеллекта, создание новых материалов, разработку перспективных технологий, оборонную промышленность; кроме того, их будут направлять на работу в сферу гуманитарных и социальных наук, где Китаю пока не хватает первоклассных кадров. В пилотную группу по реализации нового плана войдет 36 университетов. Это те же 36 вузов, что получили наивысшее признание и были отнесены к университетам А-класса в рамках запущенного в 2015 году Плана создания университетов и академических дисциплин мирового класса.

В пилотную группу по реализации нового плана войдет 36 университетов.

Новая реформа также положит конец Программе независимого отбора абитуриентов (IFAP), действовавшей с 2003 года и позволявшей элитным университетам самостоятельно отбирать лучших абитуриентов, руководствуясь при этом не только результатами